

*Мария Игоревна ГАЛЮКОВА —
преподаватель кафедры уголовно-
правовых дисциплин Уральского филиала
Российской академии правосудия,
кандидат юридических наук*

УДК 345.95

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРЕСТУПНИКА

АННОТАЦИЯ. В современном российском обществе одним из условий, способствующих росту насильственной преступности, является пропаганда насилия в СМИ. В статье проводится криминологический анализ механизма воздействия экранного насилия на личность потенциального насильственного преступника.

The role of mass-media in formation of the violent criminal. In the modern Russian society one of the conditions promoting the increase in violent crime is propagation of violence in mass-media. In the article the criminological analysis of the mechanism of influence of televised violence on the identity of the potential violent criminal is put.

В последние годы в нашей стране, как и во многих других странах мира, усиливается внимание к антисоциальному, насильственному поведению. Сегодня многие ученые мира обеспокоены негативным влиянием сцен экранного насилия на общество. Проблема насилия в обществе возникла за многие тысячелетия до появления газет и телевидения. И, безусловно, есть немало факторов, значительно больше влияющих на насилие в обществе, чем средства массовой информации. Вместе с тем из этого не следует, что проблему распространения насилия через СМИ нужно игнорировать в общественных и научных дискуссиях.

Публикации о негативном влиянии насилия на экране на общество можно обнаружить еще в российской прессе 20-х гг. прошлого века. Например, «по делам о несовершеннолетних правонарушителях, рассмотренным за 1923 год, выяснено: 1) что около 25% подростков, обвиняемых в кражах, являются постоянными посетителями кино; 2) что сеансы этих театров вызывают у них нездоровое возбуждение и нередко способствуют развитию у них преступных инстинктов. Это означает, что определенный процент малолетних преступников бывает частым посетителем кино» [1]. Этой проблеме посвящены многие зарубежные исследования, касающиеся воздействия насилия с экранов на детскую и молодежную аудиторию. Так, усилиями четырех американских университетов (Калифорнийский университет, Университет Северной Каролины, Техасский университет, Висконсинский университет) в 1994 — 1997 годах было осуществлено широкомасштабное исследование, посвященное изучению воздействия телевидения на подсознание человека [2]. Аналогичный труд был осуществлен группой норвежских ученых в программе исследований, направленных против аудиовизуального насилия [The Norwegian Government's Campaign to Combat Violence in the Visual Media, 1995]. При этом, несмотря на различие в деталях, у большинства ученых по сути нет разногласий по поводу негативного влияния неконтролируемого потока сцен экранного насилия на аудиторию [3].

Исторически сложилось так, что российское общество, включая государственную цензуру, относилось к насилию на экране гораздо терпимее, чем, к примеру, к эротике, а тем более — к порнографии. Но если в 10-х годах

XX в. сцены насилия на экране наиболее часто возникали в детективах, мистических, криминальных драмах и мелодрамах, то, начиная с 20-х годов, основными «носителями» экранного насилия стали военные и так называемые «историко-революционные» драмы и приключенческие ленты. С началом «перестроечных» времен кинематографисты обратились к запретным прежде жанрам и темам. Количество фильмов, содержащих сцены насилия, неуклонно возрастало, впрочем, как и степень натурализма в его изображении. К началу 90-х, в эпоху «киночернухи», на сцены насилия делалась основная ставка российских триллеров, криминальных драм, фильмов ужасов и детективов. По мнению М. Липовецкого, «чернуха» — это тематический пласт натуралистических медиатекстов о «гнойниках» жизни — с маргинальными прежде персонажами, с непричесанной лексикой, физиологией и мрачным визуальным рядом [4].

Бесспорно, насилие насилую рознь. Сцены насилия есть, к примеру, в фильмах «Цареубийца» К. Шахназарова, «Прорва» И. Дыховичного, «Утомленные солнцем» Н. Михалкова, «Ближний круг» А. Кончаловского, «Романовы — венценосная семья» Г. Панфилова и в других известных произведениях искусства. И если насилие неотъемлемая часть жизни человечества, экран имеет бесспорное право его отражения. При этом искусство кинематографа в руках известных режиссеров, как правило, не только изображает, но и осуждает насилие. Однако контент-анализ российского кинорепертуара в конце XX в. — начала XXI в. показывает, что в целом он состоит вовсе не из подобных фильмов. В основном 77% процентов «экранного насилия» составляют ленты низкого художественного уровня и, как показало время, столь же низкого коммерческого потенциала.

Мы предлагаем следующую классификацию экранного насилия:

- 1) кинематографическое насилие («Убойная сила», «Каменская», «Агент национальной безопасности», «Марш Турецкого» и т. д.);
- 2) информационное насилие («Новости», «Вести» и т. д.);
- 3) рекламное насилие.

Особо следует остановиться на освещении журналистами сцен насилия в средствах массовой информации.

Председатель Комиссии по правам человека при Президенте Э. А. Панфилова, выступая на гражданском форуме в ноябре 2001 г., заявила, что от некоторых телепередач даже у взрослых «стынет кровь в жилах», «в конкурентной погоне за зрителем экран заполонили такие игры, которые будят в человеке самые низменные инстинкты, разрушая его как личность» [5].

Некоторые СМИ иногда доходят до информационного садизма, когда отдельные журналисты почти с упоением в подробностях описывают издевательства преступников над жертвой, ее страдания и смерть. Одних людей, впечатлительных и ранимых, такая информация травмирует и сенсублизирует, понижая порог психической травматизации. Других же десенсублизирует, приучает к восприятию смерти, насилия, жестокости, способствуя формированию цинизма и равнодушия по отношению к несчастью других. В 1997 г. газета «Московский комсомолец» объявила конкурс читателей на лучший криминальный сюжет, выделив темы: «Самая мучительная смерть», «Самая жестокая смерть», «Самая справедливая смерть». В заметке под названием «Поцелуй смерти» были подробно описаны все три варианта смерти. Возникает вопрос: для чего это делается?

По некоторым данным, на частом показе смерти настаивают рекламодатели. Специалисты по рекламе, придерживаясь учения Фрейда, считают, что зрелище смерти сильнее всего возбуждает внимание и интерес телезрителей и читателей, так как удовлетворяет подсознательный комплекс Танатоса. Явным перекосом в описаниях гибели атомной подлодки «Курск» в сторону излишнего

натурализма и нагнетания трагедийности, катастрофы самолета с башкирскими детьми в небе Германии, захвата заложников в Москве и последствий штурма Беслана с гибелью многих людей отличились российские СМИ, особенно телевидение. Они заставили содрогнуться, испытать психоэмоциональный стресс многие миллионы людей, в том числе с не вполне здоровой и ранимой психикой. Как указывают детские психиатры, многие дети болезненно реагируют на информацию о чрезвычайных ситуациях и катастрофах. У человека, склонного к невротическим реакциям, на сообщение о катастрофе по телевидению могут возникнуть не менее серьезные психические нарушения, чем у тех людей, которые пережили ее на собственном опыте [6]. Неслучайно, хотя и в очень редких случаях, по телевизору все же предупреждают о необходимости изолировать детей от кровавого зрелища. Имеются также указания, что после просмотра фильма ужасов некоторые дети в течение нескольких месяцев боятся увидеть в темноте скрывающийся там угрожающий ему персонаж из этого телефильма [7]. Как считает Б. С. Положий, на смену массовому страху перед репрессивными органами в эпоху сталинизма пришел массовый страх перед возможностью стать жертвой уличной и организованной преступности [8]. Почти каждый день СМИ сообщают о заказных убийствах, ограблениях, изнасилованиях, криминальных разборках. Нередко эти сообщения даются с необязательными подробностями, которые отрицательно влияют на потребителей этой информации, способствуют нагнетанию опасений и страха.

Безусловно, общество должно иметь возможность получать из СМИ достоверную информацию о состоянии насильственной и иной преступности в стране, а журналисты не должны умалчивать о совершенных преступлениях и преуменьшать нависшую угрозу криминализации общества. Однако многие публикации шокируют излишне детализированным описанием жестоких подробностей и технологии совершенного преступления, уместных и необходимых в рамках расследования уголовного дела, но недопустимых с этической точки зрения на страницах массового периодического издания.

Переходя к рассмотрению механизма воздействия экранного насилия на личность потенциального преступника, следует отметить, что исследование проводилось в зависимости от образовательного уровня осужденных в рамках бихевиористского подхода.

Основным условием бихевиористского подхода является существование механизма обусловливания реального насилия телевизионным. Представления о существовании подобного механизма отражены в понятии прайминга. Прайминг — это процесс, в ходе которого агрессивно насыщенные мысли активизируют соответствующие чувства, образы и даже побуждения к действию. Такие мысли возникают при просмотре сцен насилия, повышая принятие сознанием деструктивных идей. Все эти процессы считаются преимущественно автоматическими, не подверженными когнитивному или эмоциональному контролю [9].

Постепенно происходит научение насилию. Для этого необходимо соблюдение следующих условий: 1) увиденное кажется наблюдателю проявлением агрессии; 2) зритель отождествляет себя с агрессором; 3) зритель не способен дистанцироваться от изображаемой агрессии; 4) у зрителя наблюдается ослабление запретов на агрессию; 4) зритель воспринимает мир как место для реализации насилия.

Научение происходит посредством усвоения викарного опыта, который как бы замещает отсутствие соответствующего личного опыта.

Помимо условий мы можем выделить факторы, наличие которых приводит к совершению насильственного преступления: 1) демонстрация ненаказуемости насилия; 2) демонстрация различных форм агрессии; 3) стимулирование агрес-

сии в конкретной жизненной ситуации; 4) неразвитость социальных навыков и умений; 5) стирание грани между нравственным и ненравственным (правомерным и неправомерным) в межличностных отношениях. Данный перечень можно продолжать, тем не менее полагаем, что излишняя фрагментация условий приведет к снижению ценности разрабатываемой концепции экранного насилия.

В результате реализации условий и факторов мы имеем: 1) детальное воспроизведение экранного насилия в реальной жизни; 2) трансформацию экранного насилия в любой вид насилия, существующий в обществе (семейное, уличное насилие и т. д.). Следует отметить, что наиболее часто встречается второй вариант развития криминальной ситуации. Реализовываться он может в однократном акте насилия, длящемся, многократном (или систематическом).

Наблюдается прямая зависимость между уровнем образованности и способностью к научению насилию. Но какой-либо прямой и однозначной зависимости между реализацией насилия и образованностью мы не выявили. Дело в том, что получение образования непосредственно связано с культурно-нравственными моделями, на основе которых формируются интересы, стремления, чувства, желания и потребности индивида. Образованность участвует в выборе вариантов поведения в напряженных конфликтных ситуациях, способствуя отражению импульсивности характера.

Криминологи указывают, что образовательный и культурный уровень — это составной элемент нравственного формирования личности, и чем он выше, тем больше оснований выработать социально правильные привычки и навыки поведения [10]. «Насилие чаще свойственно малообразованным, недостаточно развитым, некультурным людям. У них слабее критическая оценка собственного поведения, более узкий кругозор, примитивнее и грубее потребности и интересы, они менее сдержаны в своих стремлениях и желаниях, среди них более распространен культ грубой физической силы» [11]. Людям, становящимся на преступный путь, как правило, недоступны образование и культура, расширяющие кругозор человек, обогащающие его знаниями, что способствует развитию мышления, способности анализировать и оценивать различные явления, критически воспринимать свои и чужие поступки. Ведь бескорыстное духовное общение, по существу, культивирует в человеке высокие нравственно-этические чувства, очеловечивает его грубые природные и социальные силы и способности [12]. По мнению Г. Шестакова, «образование и культура расширяют круг интересов, развивают вкус, способность различать красивое и уродливое, прекрасное и безобразное не только в произведениях искусства, но и в окружающих явлениях. Вот почему только нравственность и культура могут стать надежным заслоном от скверных и темных сторон человеческой души» [13]. С. Бородин полагает, что «умение ценить прекрасное прививает отвращение к дурным и подлым поступкам, уважение к другим людям. Если такие качества не сформировались в человеке в процессе воспитания, то он может быть способен к совершению аморальных поступков и даже преступлений. Деформации нравственности должны были бы противодействовать образование, литература, искусство, культура в целом» [14]. СМИ помимо своей основной цели — передачи информации — должны преследовать еще одну, не менее важную — духовное воспитание. Пропаганда насилия в сочетании с программами низкого культурного уровня наравне с другими факторами приводит к неконтролируемому росту насильственной преступности.

Полагаем, что насилие как способ достижения цели свойственно лицам, имеющим низкое образование. Малообразованным, недостаточно развитым, некультурным людям более присущи эгоистические инстинкты, слабее критика собственного поведения, более узкий кругозор, примитивнее и грубее потребно-

сти и интересы, они менее сдержаны в своих стремлениях и желаниях, среди них более распространен культ грубой физической силы. Но в настоящее время уже нельзя говорить о резком несоответствии уровня образования между законопослушными гражданами и преступниками. Высокий образовательный ценз далеко не всегда может служить панацеей от совершения лицом антиобщественных поступков. Анализ образовательного уровня насильственных преступников мы проводили в сопоставлении с показателями, характеризующими образовательный уровень населения. Удельный вес лиц, имеющих высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование в контрольной группе мужского населения и в группе насильственных преступников примерно одинаков (14,5% и 13,9% соответственно). Зато удельный вес лиц, имеющих общее среднее образование, значительно выше в рассматриваемой категории преступников (50,1%), чем среди мужского населения (24,8%). Доля лиц, имеющих неполное среднее образование, составила в рассматриваемой категории преступников 18,9%, тогда как среди мужского населения она равна 37,3%. И, наконец, у преступников доля лиц с начальным и более низким образованием (17,1%), незначительно ниже, чем у населения (23,4%). Таким образом, следует согласиться с Н. Н. Кондрашковым, который полагает, что «уровень образования служит лишь благоприятным ли неблагоприятным условием нравственного формирования личности» [15]. Действительно, образование следует рассматривать как фон насильственной преступности, в противном случае нам придется поставить знак равенства между малообразованным человеком и преступником, что недопустимо.

В заключение, исходя из негативных тенденций развития современного общества, мы можем констатировать необходимость ужесточения контроля за средствами массовой информации. Свобода слова, отстаиваемая журналистами, не должна означать свободу насилия. Только последовательная политика государства в данной области может привести к стабилизации сложившейся ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лацис А., Кейлина Л. Дети и кино. М., 1928. С. 88.
2. Federman, J. (Ed.) (1998). National Television Violence Study, Volume 2. Santa Barbara: University of California, Center for Communication and Social Policy, 1997. 53 p.
3. The Norwegian Government's Campaign to Combat Violence in the Visual Media (1995). Oslo. 24 p.
4. Липовецкий М. Растратные стратегии, или Метаморфозы «чернухи» // Новый мир. 1999. № 11.
5. Панфилова Э. А. // М-лы второго Российского конгресса «Мир семьи». Часть II. М., 2001. С. 24-26.
6. Руководство по социальной психиатрии. М., 2001. С. 429.
7. Цилуйко М. В. // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2000. № 1. С. 75-87.
8. Руководство по социальной психиатрии. / Под ред. Б. С. Положия. М., 2001. С. 36-50.
9. Подробнее см.: Мачина А. А. Масс-медиа как источник посылов к агрессии // Ломоносовские чтения 2002 г. — Т. 1.
10. Кобец П. А. Личность рецидивиста и особенности ее формирования // Закон и право. 2001. № 11. С. 40.
11. Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2002. С. 439.
12. Махмудов Т. Эстетика и духовные ценности. Ташкент, 1993. С. 12.
13. Шестаков Г. Послушайте, мальчики, старого вора // Советский спорт. 1990. 12 декабря.
14. Бородин С. Борьба с преступностью: Теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 75.
15. Кондрашков Н. Н. Количественные методы в криминологии. М., 1971. С. 166.